

1. Бублейник Л. «Пан Тадеуш» А. Міцкевича російською мовою / Л. Бублейник ; пер. С. Мар // Наук. вісн. Волин. нац. ун-ту ім. Лесі Українки. – 2010. – № 11. – С. 31–36.
2. Бублейник Л. Зоряне небо в поезії: Леся Українка і Марія Конопницька / Л. Бублейник // Незгасимий СЛОВОСВІТ : зб. наук. пр. на пошану проф. В. С. Калашника / уклад. М. Філон, Т. Ларіна. – Х. : Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна, 2011. – С. 403–413.
3. Восприятие творчества Л. Толстого в белорусской критике [Электронный ресурс]. – Режим доступа : do.gendocs.ru/docs/index-97959.html?page=12
4. Івашкевич Я. Шопен / Я. Івашкевич. – К. : Муз. Україна, 1989. – 280 с.
5. Кондратюк А. Геній поза Батьківщиною. Есеї. Оповідання. Думки / А. І. Кондратюк. – Рівне : Волин. обереги, 2012. – 336 с.
6. Мархель У. Прадвесце адраджэння / У. Мархель // Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў : у 2 т. Т. 2. Новая літаратура: другая палова XVIII–XIX стагоддзе / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; навук. рэд. У. І. Мархель, В. А. Чамярыцкі / У. Мархель. – Мн. : Беларус. навука, 2007. – С. 68–134.
7. Пастернак Б. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 1–4 / Б. Пастернак. – М. : Худож. лит., 1989.
8. Туркевич Г. Роман Ярослава Івашкевича (Проблема еволюції творческого метода) : автореф. дис. ... канд. філол. наук / Туркевич Г. – М., 1991. – 20 с.
9. Франко І. Михайло Євграфович Салтиков (Щедрин) // Франко І. Твори : в 20 т. Т. XVIII / І. Франко. – К. : Держлітвидав., 1955. – С. 7–12.
10. Франко І. Супокійне життя // Франко І. Твори : в 20 т. Т. XVIII / І. Франко. – К. : Держлітвидав., 1955. – С. 13.
11. Франко І. Сербські народні думи і пісні // Франко І. Твори : в 20 т. Т. XVI / І. Франко. – К. : Держлітвидав., 1955. – С. 14–22.
12. Iwaszkiewicz J. Dzienniki 1911–1955 / J. Iwaszkiewicz. – Warszawa : Czytelnik, 2008. – 576 s.

Оляндэр Л. Проблема межславянских литературных связей. Проанализированы основные подходы в исследованиях межславянских связей в современном литературоведении и охарактеризованы разнообразные их проявления в литературном процессе. Рассмотрен особый характер связей между творчеством Б. Пастернака и Я. Івашкевича. Определена роль Ф. Шопена в художественной системе обоих писателей. Поставлена проблема *свой/чужой* в контексте межлитературных связей, обозначены типы признания инационального писателя *своим*. Значительное внимание уделено тем связям, что возникают в рецепции при сопоставлении произведений писателей, принадлежащих к разным литературам.

Ключевые слова: литературные связи: генетические, контактные и типологические, литературный процесс, ментальность, национальная специфика, рецепция, инациональная культура, интертекст, свой, чужой.

Oliander L. Problem of Interslavic Literary Relations. The main approaches in interslavic relations investigations in modern literary criticism are analysed and their various expressions in the literary process are characterized. Specific character of the relations between B. Pasternak's and Ya. Ivashevych's works is examined. The role of F. Shopen in both writers' literary system is determined. The problem of *native/strange* in the context of interliterary relations is set, the types of accepting as *native* the writer of other nationality are defined. It is paid heed to those relations in the reception when the works of writers who belong to different literatures are compared.

Key words: literary relations: genetic, contact and typological, literary process, mentality, national specific feature, reception, other national culture, intertext, native, strange.

Стаття надійшла до редколегії
19.01.2013 р.

УДК 82.01/09

Людмила Полякова

Национальная идентичность как литературоведческая проблема: к теории компаративистики

В статье речь идет о явлениях глобализации гуманитарного знания, терминологической «глобализации» в современном литературоведении. Анализируется современное состояние компаративистики, сформулирован подход автора статьи к явлению национальной идентичности в науке о литературе. Введено понятие «термины-биффорды».

Ключевые слова: терминологическая глобализация, литературоведческая компаративистика, «термины-биффорды», «национальная идентичность».

© Полякова Л., 2013

Постановка научной проблемы и ее значение. Современное гуманитарное знание развивается будто бы в соответствии с рецептами и прогнозами Дж. Пайзера в его статье «Гетевская парадигма “всемирной литературы” и современная культурная глобализация», где американский ученый, поставив вопрос о том, насколько идея Гете о всемирной литературе применима к современной ситуации, называет ее, идею, «пророческой», поскольку «одновременно с глобализацией мировой экономики была создана и истинная всемирная литература – глобальная литература», и Гете предвосхитил своей концепцией «современный культурный транснационализм», совершенно субъективно трактует известное высказывание немецкого поэта и делает его как бы программным для своего утверждения о тенденции в развитии «глобальной литературы» как проявлении современного культурного транснационализма. Всемирная литература, по Пайзеру, должна стать динамичной концепцией, описывающей процесс «распада дискретных национальных традиций», «рождения “глобального литературного рынка” и формирования “универсального мультикультурализма”» [1, с. 442]. Разумеется, в среде ученых, учитывающих специфику феномена художественного творчества, как правило, отмеченного печатью национального взгляда, это утверждение американского ученого порождает смену призывов: вместо «Вперед, к глобализации!» – «Вперед, к глокализации!», когда предлагается внимательно изучать локальную особенность культуры во многом в противовес глобализации мирозерцания, проблематики и поэтики [2]. Эта ситуация противостояния зеркально отражена в литературоведческой терминологии.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Со всей определенностью можно сказать, что в современном литературоведческом лексиконе есть «термины-бикфорды». Метафора? Конечно, для нас метафора. Но такая понятная: теоретически непроработанные термин или понятие, употребленные неадекватно, не отвечающие в достаточной мере специфике проблемы и исследуемого материала, для анализа – это и есть медленно горящий фитиль, и чем дольше он будет гореть, тем сильнее, мощнее получится эффект «огненной вспышки», когда подвергаются аннигиляции, «сгорают», становятся совсем не убедительными, теряют всякую научную целесообразность и реальную практическую значимость не только научная концепция, но и само исследование в целом.

Есть один методологический уровень анализа литературных явлений, активно востребованный в современном литературоведении, который требует к себе особенно внимательного и ответственного отношения потому, что, как показывает литературоведческая практика последних лет, исследователи, и не только молодые, очень часто пытаются как бы наощупь приоткрыть загадочную «дверь» в соответствующую этому уровню проблематику, и им не удается увидеть все богатство этого роскошного проблемного пространства. Необходимо найти ключ к таинственному входу. В современных методиках исследования литературных фактов, особенно в среде молодых филологов или опытных, но одинаково не обремененных заботой о теоретической и методологической стройности своих воззрений, распространена не соответствующая логике гуманитарного знания, можно сказать, волюнтаристская эксплуатация понятия «компаративистика». Очень часто отождествляются разные варианты сравнительного анализа и целое самостоятельное направление науки о литературе – компаративистика. В условиях интеграционных процессов, тесного взаимодействия национальных литератур, глобализации культуры в современном мире действительно возрастает актуальность сравнительного литературоведения. Специалисты в области компаративистики считают синонимами, обозначающими данное (или сходное) направление науки о литературе, понятия «сравнительно-историческое изучение литератур» и «литературоведческая компаративистика».

В наши дни велик интерес к сравнительному изучению литератур в свете концепции диалогичности искусства М. М. Бахтина, представленной в его трудах с их сквозной темой «Я» и «Другой». Диалог национальных литератур способствует выявлению общего и особенного в них: «Свой» – «Чужой». В ответе на вопросы редакции «Нового мира» (1970) ученый говорил о необходимости для литературоведения установления более тесной связи с историей культуры, он вернулся к понятиям, которыми оперировал и ранее, – *большое время, трансгредивентность, вненаходимость*. Такой подход и в предшествующих работах ученого позволил ему вывести эти явления культуры на уровень компаративистики, межнациональных взаимодействий, межкультурного диалога. Повторим: «Чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше). Один смысл раскры-

вает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы *диалог*, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины». И акцент: «Без *своих* вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого (но, конечно, вопросов серьезных, подлинных). При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и *открытую* целостность, но они взаимно обогащаются» [3, с. 328–335].

Какое глубокое понимание процессов внутри не только одной национальной литературы, но прежде всего всемирной.

Соблазнительно бывает прочитать «на свой манер», как это получилось у американца Дж. Пайзера, знаменитое высказывание И. В. Гете в его беседе с И. П. Эккерманом 31 января 1827 г. о «всемирной литературе» как «расширенном отечестве», о связях между народами, способствующих самопознанию каждой национальной литературы. А ведь в действительности великий немецкий художник перед тем, как сказать, что «национальная литература сейчас мало что значит, на очереди эпоха всемирной литературы, и каждый должен содействовать скорейшему ее наступлению», очень много размышлял именно о загадках национальной специфики французской, немецкой, китайской литератур и после своего загадочного резюме тоже уточнил: «Но при полном признании иноземного нам негоже застревать на чем-нибудь выдающемся и почитать его за образец. Негоже думать, что образец – китайская литература или сербская, или Кальдерон, или “Нибелунги”. Испытывая потребность в образцах, мы, поневоле, возвращаемся к древним грекам, ибо в их творениях воссоздан прекрасный человек. Все остальное мы должны рассматривать чисто исторически, усваивая то положительное, что нам удастся обнаружить» [4, с. 214–215]. В этой мысли Гете, в связи с которой Эккерман записал: «Я был рад, что мне довелось в такой последовательности услышать его мнение о предмете столь важном» [4, с. 215], сконцентрированы основные постулаты концепции «большого времени», «внеаходимости», «диалогизма» – подлинных эстетических ценностей в теориях М. М. Бахтина.

С учетом фона развивающихся мировых процессов глобализации и активизировавшегося интереса современной науки к вопросам развития межнациональных литературных контактов все же однозначно можно сказать: несмотря на попытки обобщить имеющийся опыт и возродить интерес молодых исследователей к традиционной науке «компаративистике», в целом в литературоведении сегодня идет активный процесс разрушения, размывания параметров и границ этого выдающегося направления классической филологической мысли.

В какой-то мере обнадеживающим и сдерживающим процесс падения уровня сравнительного литературоведения фактором можно считать специализирующиеся по проблематике межнациональной, межкультурной коммуникации научные коллективы России, где защищаются интересные диссертации. В последнее десятилетие научная школа по исследованию межкультурного диалога в области художественной литературы сложилась в Томском государственном университете. Одна за другой здесь защищены многочисленные диссертации [5]. Защищаются диссертации на этом материале и в других диссертационных советах. Однако не всегда учитывается тот факт, что методология компаративистского исследования может быть разной, но обязательно с учетом характера присутствующей в произведениях взаимосвязи. Опора на понимание коммуникации, например К. Ясперсом, оказавшим огромное влияние на М. Хайдеггера, С. Кьеркегора, П. Сартра, предполагает понимание всей сложности его подхода, его представлений о коммуникации как о процессе, в котором *Я* действительно становится самим собой, потому что обнаруживает себя в другом. Однако немецкий философ-экзистенциалист и психиатр исходил из конкретных, именно пограничных ситуаций человека, в которых раскрывается безусловное, неминуемое – болезнь, смерть, вина. По К. Ясперсу, не в завершении, а в крушении бытия можно наиболее глубоко постичь бытие. Одним словом, речь должна идти не просто о коммуникации, а о коммуникации совершенно особого плана, особой экзистенции. И это не всегда учитывают филологи, пытающиеся подкрепить свои научные догадки позицией К. Ясперса.

Из названий тем диссертаций, защищенных в Томском университете, следует, что речь в них идет о рецептивной эстетике, и исследователю, прежде всего молодому, работающему с компаративистским и культурологическим материалом, необходимо иметь четкое представление о том, что

такое рецепция (латин. *reception* – принятие, прием). Это не просто обращение к чужому опыту, а обязательно его *усвоение* другой культурой, именно «принятие», переработка на новой национальной основе. Когда речь не идет о подобных межнациональных контактах, целесообразнее говорить о художественной репрезентации, воспроизведении другого или своего опыта внутри одной культуры, то есть не о компаративном коммуницировании.

Как правило, в работах компаративистского характера в рамках рецептивной эстетики реализуется системный историко-теоретический подход, основанный на соединении культурологического, эстетического и собственно литературного контекстов, при изучении «пограничной литературы», включающей в себя разные национальные «образы мира» и «национально-культурный диалог» разных этносов. Среди диссертаций последних лет своим материалом, проблематикой, выводами выделяется докторская диссертация А. В. Подобрый «Межкультурный диалог в русской малой прозе 20-х годов XX века» [6]. И о ней следует сказать отдельно, ибо, полагаем, это интересное исследование проведено не в области компаративистской эстетики, хотя оно претендует именно на это направление.

Во многих отношениях диссертация А. В. Подобрый новаторская, и сам автор формулирует новизну так: «Научная новизна исследования обусловлена тем, что в нем впервые предпринимается попытка комплексного исследования диалога национальных культур в русской прозе 1920-х годов, выяснение семантики этого диалога, создание адекватной методики анализа «пограничной» литературы» [6, с. 6]. Диссертант отметил создание поликультурной литературы на русском языке, на страницах которой формировался образ иного национального мира, диалог в рамках русской литературной традиции и языка. А. В. Подобрый говорит о всплеске интереса к жизни представителей других этносов, стремлении создать национальную и интернациональную картину мира как характерной черте советской литературы, сообщает о том, что тогда возник новый термин «русскоязычная литература», «ибо после 1917 года советская литература стала носить не только национально-специфический, но и “пограничный” характер». Ссылаясь на Н. Л. Лейдермана, автор диссертации пишет о произведениях советских писателей с сюжетами из жизни «инородцев»: «Писатель мыслит в координатах одной национальной культуры, но на языке, в речевых формах другой национальной культуры» [7, с. 50]. «Инородцы» заговорили в книгах о себе и своих традициях, но на русском языке. Перед писателями стоял довольно сложный вопрос: какими средствами, способами отразить национальную самобытность представителя «инонациональной» среды в рамках русского лингвокультурного поля литературы? У многих национальностей не было даже письменности...» [6, с. 3], «писатели 20-х годов XX века в чем-то интуитивно, в чем-то осознанно пришли к пониманию возможностей “диалога культур” в рамках русского языка и способов отражения “инокультуры” в эстетическом поле русской литературы. Сегодня мы имеем много произведений, продемонстрировавших возможности билингволитературы» [6, с. 40].

Автор диссертации разъясняет, что тогда отсутствовала адекватная методика анализа поликультурных текстов и теперь следует анализировать их на уровне «межкультурного диалога», что понятие «диалог» имеет в науке широкий диапазон: от философского (А. Н. Веселовский, М. М. Бахтин), семиотического (Ю. М. Лотман), культурологического (К. Гирц) до религиозного (М. Элиаде), а работа написана о межкультурном диалоге в рамках художественного текста. Онтологической базой для создания такого диалога, уточняет А. В. Подобрый, стала теория архетипов, разрабатываемая в трудах философов, филологов и лингвистов (К. Юнг, В. Гумбольдт, М. Элиаде, К. Гирц, Р. Н. Фрай, Е. Мелетинский, В. Топоров), ибо архетипы – «манифестации более глубокого слоя бессознательного, где дремлют общечеловеческие изначальные образы и мотивы» [7, с. 105]; «будучи средством передачи опыта предков, архетип общечеловечен, но имеет национальную специфику» [6, с. 4].

Автор диссертации актуальность своего исследования формулирует так: «понять глубинные постулаты “другой” культуры, найти пути соположения различных национальных традиций в культурном поле государственного языка», изучить принципы построения поликультурного поля литературы, «межкультурного диалога»; предметом исследования становится «одна из ведущих тенденций литературы 20-х годов – “диалог культур” в прозе русскоязычных писателей и семантика этого диалога (на примере произведений Л. Леонова, И. Бабеля, Вс. Иванова, М. Шолохова)» [6, с. 5]. Формулируя гипотезу, А. В. Подобрый говорит «о новом типе литературы – русскоязычном», о диалоге национальных культурных традиций в рамках русскоязычной прозы, о создании «новой художественной реальности» с формированием «русских образов инонациональных миров» [6, с. 5–6].

На страницах диссертации литература других национальностей названа «субкультурой». Русская литература при такой характеристике – литература-домен, главная, основная, принадлежащая «владельцу» (доместикация – как бы одомашнивание, приручение литературы). Таким образом, в одном из положений, выносимых на защиту, диссертант говорит о том, что в своих новеллах 20-х гг. (малая проза) с инациональными сюжетами («Донские рассказы» М. Шолохова, «О казачке Марфе», «Дите», «Про двух аргамаков» Вс. Иванова, «Конармия» И. Бабеля, «Туатамур», «Халиль» Л. Леонова и других) советские писатели вели диалог субкультуры и культуры-домена, диалог мира самобытной древнейшей культуры и мира субкультуры, создавали образ «чужого» мира в рамках русского языка [6, с. 7].

Докторская диссертация А. В. Подобрый интересна по материалу, привлекает попытка автора создать инструмент для научного анализа оригинальной русской прозы с «инородческими» сюжетами, любопытны и располагают к размышлениям многие положения исследования. Однако, как нам представляется, необедительны и гипотеза, и концепция. Здесь все поставлено с ног на голову. Например, почему автор диссертации считает, что «онтологической базой» для создания межнационального диалога в произведениях Шолохова, Леонова, Вс. Иванова, Бабеля стала теория архетипов, скажем, К. Юнга (именно на его работу «Архетипы коллективного бессознательного» ссылается диссертант), а не, например, Платона, рассматривавшего архетип как «идею», «матрицу» материального мира? Современные трактовки культурологического понятия «архетип» многообразны, и их нельзя объединять в одном перечислительном ряду. Почему культурные традиции казачества выводятся из русской культуры, размещены на этаже субкультуры, и в то же время автор диссертации прямо называет казаков не инородцами, а «казацким сословием», «военным сословием», исконно исповедовавших «истинную христианско-православную веру» [6, с. 17–18]?

По каким критериям еврейские культурные традиции (ветхозаветную модель) рассматривать в качестве субкультуры по отношению к русской национальной культуре (в связи с произведениями И. Бабеля)? Можно ли называть таких художников, как И. Бабель, «бинациональными»? Как быть в таком случае с русским писателем А. Платоновым, написавшим повесть «Джан», по словам В. Чалмаева, «подлинный шедевр», не только о Назаре Чагатаеве, у которого отец русский, мать из народа джан, но и о жизни, мироотношении целого кочевого, «потерянного» народа, объединявшего представителей разных национальностей; или рассказ «Неодушевленный враг» на сюжет встречи, диалога во время Великой Отечественной войны тяжело раненых русского солдата и немецкого унтер-офицера: психологизм повествования доведен до такого накала, что читатель, независимо от своей национальности, готов принять позицию и русского, и немца? В том и другом произведениях Платонов – «бинациональный» художник? Русскоязычный? Или, скажем, Вс. Гаршин в рассказе «Четыре дня»? Какой должна быть теория литературы, в соответствии с которой Л. Леонова, Вс. Иванова, М. Шолохова да и И. Бабеля, воспитанного русской культурой и писавшего на русском языке, следует называть «русскоязычными» писателями, а их творения «билингволитературой»?

В мировой литературе есть явления и «билингволитературы», двуязычной литературы, и «русскоязычной» литературы. Они широко известны. Но для этих статусов есть серьезные основания, и они, эти основания, как правило, не разрушены и не поддаются разрушению. Здесь все прозрачно.

А. В. Подобрый на страницах своей диссертации анализирует произведения, в которых инациональный колорит использован лишь в качестве материала для художественных обобщений, а опыт анализа межнационального обобщения передается лишь на уровне социума, но не искусства. В произведениях, о которых ведет речь А. В. Подобрый, нет межкультурного диалога, нет усвоения русскими писателями инационального культурного опыта, нет и использования инациональных культурных традиций. По Подобрый получается, если я, к примеру, готовлю блюдо под названием «сациви» (ингредиенты: индейка или курица – 2 кг, орехи грецкие очищенные 0,5 кг, чеснок – 7 зубчиков, настоящая острая аджика (без помидоров, без крахмала и прочего сора) – 3 ч. ложки с горкой, сацивная приправа (или молотый кориандр + уцхо-сунели один к одному) – 2 ч. ложки, шафран имеретинский (в перетертом, порошковом виде) – 1 ч. ложка, соль по вкусу), то меня можно рассматривать по ведомству «бикулинара», поскольку я участвую в «межкулинарном диалоге» русской и грузинской кухонь.

Как можно утверждать, что русские писатели Шолохов, Леонов, Вс. Иванов или даже Бабель «мыслят в координатах одной национальной культуры, но на языке, в речевых формах другой национальной культуры»?

Конечно, вопрос о соотношении национальности писателя, национального колорита его произведений и языка, на котором он создает свои творения, не простой, и его изучением надо заниматься. Проще всего объединить это одним понятием – «межкультурный диалог» без дифференциации уровней использования инонационального опыта, именно уровней: отношения, восприятия, усвоения, трансформации, простого описания, изображения, информации, взаимодействия и т. п.

Писатель, пишущий на русском языке, создает совершенно особый художественный мир в сравнении с писателем, например, франкоязычным, ибо язык – это средство конструирования мира в большей степени, чем его отражения. Какой художественный мир сконструирован в произведениях советских писателей 1920-х гг. – М. Шолохова, Л. Леонова, Вс. Иванова, И. Бабеля, если не русский? Диалог, о котором ведет речь А. Подобрий на страницах диссертации в связи с творчеством этих писателей, – это все же не уровень межкультурного взаимодействия «свой–чужой». Здесь иные контакты.

В последние два десятилетия в науке о литературе значительно повысился интерес к вопросам национальной идентичности. Здесь тоже все не так просто и не столь теоретически однозначно, как иногда представляется [8]. Очевидно, проблема *национальной идентичности* в художественной литературе тоже находится в эстетическом, литературно-теоретическом пространстве компаративистики. Актуализация и активизация проблемы в литературоведении последних лет обусловлены современными процессами межнациональной, межкультурной коммуникации. Вся сложность компаративистской проблематики в полной мере распространяется и на вопросы национальной идентичности. Они тоже из области рецептивной эстетики, восприятия искусства. Однако здесь есть и своя специфическая сложность, обусловлена она прежде всего теоретической непроясненностью явления, границ предмета изучения, что, как и в случае с другими аспектами компаративистики, обязывает исследователя, работающего с этим материалом, обязательно уточнять свой подход и ставить перед собой задачу разработки теории вопроса и ее формулирования.

Выскажем ряд своих соображений.

Во-первых, и это главное, проблема национальной идентичности в литературоведческой работе может рассматриваться *только в рамках* сравнительного литературоведения. Она – ракурс компаративистики. Каждый человек – национально идентичен, и восстановлением его идентичности, при необходимости, занимаются специальные естественные науки, например, судебная медицина, парапсихология, гештальтпсихология и др. В связи с писателями или представителями других видов искусств (искусство, как правило, всегда национально выражено, исключения редки), если они настоящие художники, нет смысла говорить об их национальной идентичности в рамках одной национальной литературы. Большой художник не может быть идентичен чему-то. Он всегда шире, мощнее, выламывается из всяких тождеств.

В беседах с И. П. Эккерманом И. В. Гете, с одной стороны, как уже отмечалось, говорил о своем интересе к культурной жизни других наций, что «национальная литература сейчас мало что значит, на очереди эпоха всемирной литературы», а с другой – подчеркивал именно национальную выразительность творца. Прочитав записанные Эккерманом слова Гете от 31 января 1827 г.: «Мандзони недостает только одного, – продолжал Гете, – понимания, какой он хороший поэт и на какие посему права может претендовать. Он не в меру преклоняется перед историей и в силу этого любит вставлять в свои вещи подробности, из коих явствует, как верно он придерживается даже ничтожных исторических мелочей. Но факты фактами, а вот персонажи его так же мало историчны, как мой Фоант и моя Ифигения. Ни один писатель не знал тех исторических лиц, которые выведены в его произведениях; а ежели бы знал, вряд ли остановил бы на них свой выбор. Писателю должно быть заранее известно, какого впечатления он хочет добиться; считаясь с этим, он и должен создавать свои персонажи. Изобрази я своего Эгмонта таким, каким он запечатлен в истории, то есть отцом целой кучи детей, и его легкомысленное поведение стало бы чистейшим абсурдом. Следовательно, мне пришлось создавать другого Эгмонта, дабы он лучше гармонировал и со своими поступками, и с моими намерениями. И вот этот-то человек, говоря словами Клерхен, и есть *мой* Эгмонт».

Да и на что нужны писатели, не просто же для того, чтобы повторять все записанное историками! Писатель должен идти дальше, создавая, по мере возможности, образы более высокие, совершенные. Все действующие лица Софокла несут в себе частицу высокой души великого поэта, так же персонажи Шекспира – частицу его души. Так оно и должно быть. Что касается Шекспира, то

он идет еще дальше и своих римлян делает англичанами, опять-таки с полным правом, иначе его народ его бы не понял» [4, с. 214–215, 215–216].

Вместо национальной идентичности или идентификации в литературоведении следует говорить о «художественной репрезентации», например, национального социума, национальной системы архетипов или национального характера. Лишь компаративистский сравнительно-национальный аспект исследования предполагает анализ проблемы национальной идентичности и ее художественной выразительности. И в этом аспекте с расстановкой необходимых акцентов может быть рассмотрено и творчество любого «бинационального» писателя или писателей с такими судьбами, как В. Набоков, И. Бродский. Немецкоязычный писатель П. Зюскинд, работающий на стыке литературных и культурных традиций Франции, Германии и Швейцарии, писатель, как его считают, не только универсальный, но транснациональный, пытается остаться вне общественной жизни, избегает публичности, а в творчестве обрывает важную нить в цепочке «автор–текст–читатель», видимо, желая оставить свой текст существовать вне авторской личности [9].

Проблема национальной выразительности прозы, например И. А. Бунина, не равна проблеме национальной идентичности его прозаического наследия.

Во-вторых, в постановке литературоведческой компаративистской проблемы национальной идентичности должны быть обозначены не просто национальная идентичность, а конкретные ее аспекты, например, «поэтика национальной идентичности», «образная система национальной идентичности», «философия национальной идентичности», «национально идентичные физиогномические свойства личности» (характер, нравы, внешний облик, привычки) в творчестве того или иного писателя, проблемы народнокультурной идентичности, языка, этнографической идентичности, историко-социальной идентичности, но не национальной идентичности просто. Вопросы национальной идентичности не равны вопросам национальной специфики в литературе и науке о ней. У них свои особые пути решения.

В-третьих, вопрос о «национальной идентичности» для изучения литературы как национального феномена некорректен, ибо национальная идентичность, как уже говорилось, не тождественна национальной выразительности; соответствие и тождество – разные параметры измерения свойства явления. Соответствие – не одинаковость, а предполагает раскрытие особенностей. Повторим, проблема национальной выразительности творчества писателя не тождественна проблеме его национальной идентичности.

В-четвертых, в пределах понятия идентичности (не национальной) возможно говорить о «самоидентификации»: в танце самоидентификация как элемент танца (с демоном, зверем и т. п.); в театре самоидентификация актера со своим героем (психологическое состояние). В литературоведении есть понятие самоидентификации читателя с литературным персонажем или писателя с героем и т. п. Но это совершенно иная сфера художественной тождественности, «самоидентификации», которая в решении компаративистской проблемы национальной идентичности может быть лишь одним из его рычагов наравне с другими.

Основной вывод исследования. Уточнить значение употребляемых слов, по наблюдениям Рене Декарта, – избавить мир от половины заблуждений. Это утверждение особенно справедливо в отношении эксплуатации научной терминологии, в частности, понятия «компаративистика». Здесь несогласованность в понятиях приводит не только к очевидным парадоксам, но и останавливает движение, развитие науки или отдельных ее областей, отраслей.

Источники и литература

1. Pizer J. Goethe's «World Literature» paradigm and contemporary culturae globalization / J. Pizer // Comparative literature: Eugene (OP). – 2000. – Vol. 52. – № 3. – P. 327–342.
2. Высоцкая Н. Транскультура и культура в транс? / Н. Высоцкая // Вопр. лит. – 2004. – № 2 ; Шайтанов И. О. Триада современной компаративистики: глобализация – интертекст – диалог культур / И. О. Шайтанов // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности : материалы Междунар. конгр. литературоведов. – Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979.
4. Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни / И. П. Эккерман ; пер. с нем. Н. Ман. – М. : Худ. лит., 1986.
5. Олицкая Д. А. Рецепция пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» в Германии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Рус. лит.» / Д. А. Олицкая. – Томск, 2004 ; Тимофеева И. Ф. Повесть

- «Шинель» Н. В. Гоголя в итальянских переводах. Проблемы интерпретации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Рус. лит.» / И. Ф. Тимофеева. – Томск, 2005 ; Прохорова Л. С. Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Рус. лит.» / Л. С. Прохорова. – Томск, 2005 ; Владимирова Т. Л. Римский текст в творчестве Н. В. Гоголя : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Рус. лит.» / Т. Л. Владимирова. – Томск, 2006 ; Никанорова Ю. В. Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души» в немецкой рецепции : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Рус. лит.» / Ю. В. Никанорова. – Томск, 2007 ; Горенинцева В. Н. Рецепция английской и американской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Рус. лит.» / В. Н. Горенинцева. – Томск, 2009 ; Белоногова Е. С. Личность и творчество В. А. Жуковского в рецепции англоязычной культуры : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Рус. лит.» / Е. С. Белоногова. – Томск, 2009 ; Власова Ю. Ю. Рецепция ранней драматургии Г. Гауптмана в России рубежа XIX–XX вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Рус. лит.» / Ю. Ю. Власова. – Томск, 2010 и др.
6. Подобрий А. В. Межкультурный диалог в русской малой прозе 20-х годов XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.01.01 «Рус. лит.» / А. В. Подобрий. – М., 2010.
  7. Лейдерман Н. Л. Русскоязычная литература – перекресток культур / Лейдерман Н. Л. // Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2005. – Вып. 8.
  8. Попова М. К. Проблема национальной идентичности и литература / М. К. Попова // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. 1 : Гуманитарные науки. – 2001. – № 2 ; Попова М. К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании / М. К. Попова. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2004. – 170 с. ; Лукина А. В. Новые подходы к исследованию национальной идентичности / А. В. Лукина // Изв. Урал. гос. ун-та. – 2004. – № 33. – Вып. 8. Искусствоведение и культурология ; Проблемы национальной идентичности в русской литературе XX века : коллектив. моногр. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2011. – 310 с.
  9. Лейман А. Р. Маргинальность и интертекстуальность как конструкты культовости (П. Зюскинд) / А. Р. Лейман // Вопр. филологии. – 2006. – Вып. 12. – С. 129–139.

Полякова Л. Національна ідентичність як літературознавча проблема: до теорії компаративістики.

У статті йдеться про явища глобалізації гуманітарного знання, термінологічної «глобалізації» в сучасному літературознавстві. Проаналізовано нинішній стан компаративістики, висвітлено підхід автора до явища національної ідентичності в науці про літературу.

Ключові слова: термінологічна глобалізація, літературознавча компаративістика, національна ідентичність.

Polyakova L. National Identity as a Problem of Literary Studies: to the Theory of Comparative Linguistics.

The article deals with the phenomena of the globalization in humanities knowledge, precisely terminological globalization of modern literary studies. It analyses the modern state of comparative linguistics and formulates the authors approach to the concept «national identity» in science and literature. It also introduces the notion of «Bickford fuse terms».

Key words: terminological globalization, comparative literary studies, «Bickford fuse terms», «national identity».

Статья поступила в редколлегия
05.02.2013 г.

УДК 821.161.2-311.4.09+821.161.1-312.6.09

Ольга Салова

Мотив долання геокультурних бар'єрів героями романів Олесь Досвітнього «Американці» та Бориса Пильняка «Корені японського сонця»

У статті розглянуто особливості світоглядних настанов героїв романів Олесь Досвітнього «Американці» та Бориса Пильняка «Корені японського сонця» в контексті геокультурної сфери. Проаналізовано парадигми геокультурних бар'єрів та способи їх подолання героями, характер їх художнього зображення.

Ключові слова: геокультура, геокультурний образ, геокультурний простір, геокультурний бар'єр, топос, семантика.